

Когнитивный компонент этнической идентичности русскоязычных подростков в Латвии

Руссита Татьяна Эйженовна

аспирантка

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия

E-mail: tanja.ru@gmail.com

Для исследования когнитивного компонента этнической идентичности русскоязычных подростков и молодежи в Латвии нами был разработан специальный опросник. Утверждения, которые легли в его основу, были сформулированы на данных, полученных в ходе качественного этапа исследования.

С помощью опросника мы изучили такие параметры как самоназвание, наиболее актуальные принадлежности к этническим и этнокультурным общностям, а также этнодифференцирующие признаки и степень их значимости для респондентов. Мы рассчитали корреляции и значимые различия для респондентов из групп с разным этническим составом ближайшего социального окружения и получили результаты, которые предлагаем на рассмотрение.

1. Если рассматривать результаты по всей выборке, то независимо от этнического состава ближайшего социального окружения наиболее актуальными идентичностями, имеющими отношение к этнической сфере, для наших респондентов являются идентичности «русский», (23,73%), «человек мира» (18,64%), «русские в Латвии» (15,25%) и «европейцы» (11,86%). Менее актуальными являются такие идентичности как «славяне», «русскоязычные в Латвии» и «евреи» (по 6,78%). Совершенно не выбирались группы «белорус» и «украинец», хотя на качественном этапе исследования респонденты причисляли себя и к таким этническим группам.

2. При сравнении распределения коэффициентов, отражающих соотношение согласия и несогласия респондентов со своей принадлежностью к той или иной этнической/этнокультурной группе, мы получили следующую картину: «русские» (согласных с принадлежностью к этой группе респондентов было в 17 раз больше, чем несогласных), «русскоязычные в Латвии» (в 12,5 раз), «европейцы» (в 12 раз), «русские в Латвии» (в 6 раз), «люди мира» (в 3,8 раз), «латышцы» (в 3,1 раза), «еврорусские» (в 2 раза), «славяне» (соотношение согласных к несогласным равно 0,96, т.е. несогласных немного больше, чем согласных), «латыши» (0,3), «евреи» (0,2), «украинцы» и «белорусы» (по 0,1). Такой способ анализа данных кажется нам более объективным. На основании этих данных можно сделать выводы о том, что наши респонденты представляют собой некоторый «мост», переходную и достаточно хорошо интегрировавшуюся группу «европеизированных русских», не теряющих связи с группой, к которой, очевидно, причисляли себя их предки и в то же время готовых к происходящим вокруг, благодаря нарастающей глобализации переменам. О верности таких выводов свидетельствует не только полученные нами результаты, но и данные других исследований (Космарская, 2004; Симонян, 2001).

3. Выделенные нами на основании материалов качественного этапа исследования признаки практически во всех случаях (за исключением такого признака как «необходимость в ощущении общности исторических судеб с жителями территории бывшего СССР, чувство исторического единства с ними») действительно признавались респондентами как этнодифференцирующие.

Среди признаков, со значимостью которых согласилось большинство респондентов, помимо собственно «ощущения себя представителем своего народа» (согласных с этим признаком было в 17 раз больше, чем несогласных), наиболее важными оказались «русский язык» (в 14,3 раза) и «менталитет (особенности мышления,

духовность)» (в 14 раз). Менее значимы оказались «особенности характера, темперамента» (в 10,75 раз), «воспитание в специфических традициях» (в 9,75 раз) и «характерные для народа особенности поведения» (в 9,5 раз). «Причастность к культуре своего народа» (в 8,6 раз), «этническая принадлежность родителей» (в 6,14 раз), «наличие эмоциональной связи со страной, откуда пришли предки» (в 3,08 раз) имеют еще меньшую значимость. Очень невысокий коэффициент имеет значимость внешних различий (согласных и несогласных почти поровну, соотношение равно 1,25).

Обобщив результаты, мы выстроили следующую последовательность: самыми значимыми для респондентов являются различия в духовной сфере, менее значимыми – внешние проявления, отражающиеся в характере и поведении, еще меньшую – примордиальные характеристики этнической принадлежности. Мы полагаем, что это может быть связано с высоким статусом стереотипного представления о «духовности» русских, и с низким статусом стереотипного представления об их поведении и характере.

4. Проанализировав ряд значимых различий, существующих между группами с различным этническим составом ближайшего социального окружения, мы обнаружили, что к группе европейцев скорее склонны причислять себя те респонденты, в социальном окружении которых латышей нет вообще или, наоборот, их заметное количество (более 30%). Обратная ситуация наблюдается в оценке собственной принадлежности к группе славян – к славянам скорее склонны причислять себя респонденты с небольшим включением латышей в ближайшее социальное окружение. Такая тенденция может объясняться в целом более позитивным характером этнической идентичности этой группы, большей уверенностью в себе*, которые позволяют представителям группы причислять себя к менее популярной в латвийском обществе группе. Испытывающие больше дискомфорта по отношению к собственной этнической принадлежности представители двух других групп, стремясь дистанцироваться от негативных переживаний, связанных с принадлежностью к восточной культуре, причисляют себя скорее к культуре западной. Впрочем, малое число респондентов и анализируемых факторов не позволяют нам с уверенностью делать столь общие утверждения.

5. Представители группы респондентов, имеющих в социальном окружении значительное количество латышей, чаще относят себя к латышам и вообще не относят к русскоязычным в Латвии. Такие различия могут быть связаны с желанием идентифицироваться с группой, представители которой занимают важное место в значимом социальном окружении респондентов, а может быть, есть какие-то иные причины для такой тенденции.

Различий в оценке значимости этнодифференцирующих признаков нам обнаружить практически не удалось. Единственное, что можно отметить, это значение внешних различий, которое респонденты из группы с «латышским» социальным окружением оценивают гораздо выше, чем их сверстники из более русской социальной среды.

Литература

1. Симонян Р.Х. (2001) Россия и страны Балтии. – М.: Academia
2. Космарская Н. (2004) Русскоязычные ближнего зарубежья: «диаспорный проект» против «автохтонного» (завершение темы) // *Диаспоры*, № 1. С. 148 – 184.

* Такие выводы мы сделали, основываясь на результатах исследования аффективного компонента этнической идентичности русскоязычных подростков и молодежи в Латвийской Республике.